

А. А. Дорская

**ИЗУЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ЦЕРКОВНОГО ПРАВА
В ПРИБАЛТИЙСКОМ КРАЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Анализируется становление церковного права как науки и учебной дисциплины в Прибалтийском крае во второй половине XIX – начале XX в. Показано значение Юрьевского университета в организационном оформлении церковного права в системе юридического образования Российской империи. Характеризуется общая ситуация с вероисповеданием в Прибалтийском крае. Раскрывается роль личности ученого в развитии научного направления.

This article analyses the emergence of canon law as a science and academic discipline in the Baltic area in the second half of 19th/early 20th centuries. The author emphasizes the role of the Tartu University in the organizational development of ecclesiastical law in legal education system of the Russian Empire. The article describes the general religious situation in the Baltic area and explores the role of the personality of a scientist in the development of a research area.

Ключевые слова: православное церковное право, Прибалтийский край, Юрьевский университет, кафедра церковного права, вероисповедание.

Key words: Orthodox canon law, Baltic region, Tartu University, Department of ecclesiastical law, religion.

Для православного церковного права временем расцвета стал XIX в. сразу по нескольким причинам. Во-первых, церковно-правовые нормы были несколько упорядочены в рамках процесса систематизации российского законодательства под фактическим руководством М. М. Сперанского. Во-вторых, благодаря исторической школе права началось развитие науки церковного права как одного из направлений не только богословия, но и юриспруденции. В-третьих, курсы церковного права стали обязательными на всех юридических факультетах Российской империи.

Изучение православного церковного права с точки зрения власти имело государственное значение. С одной стороны, это поддерживало статус Русской православной церкви как «первенствующей и господствующей», установленный Сводом законов Российской империи. Как отмечает В. Н. Кудряшев, во второй половине XIX в. «выделилось течение, считавшее субъектом национальных процессов в России не русскую нацию как особое этнорелигиозное единство, а русское государство, целенаправленно формирующее русскую нацию» [8, с. 40]. С другой стороны, это должно было способствовать распространению православной веры в исконно неправославных районах, т. е. имело некое миссионерское значение. Так, в 1907 г. в Москве была издана брошюра, автор которой не указывался. В ней констатировалось, что «в Российской империи имеется девять университетов, и ни один из них не русский — ни по личному составу, ни по задачам, ни по преподаваемым предметам» [10, с. 4]. Конечно, эта фраза принадлежит русским националистам, однако отчасти она показывает условия, в которых развивалась в университетах наука церковного права. В Юрьеве, Казани, Киеве, Харькове, Одессе проживала значительная часть неправославного населения, и развитие православного церковного права выявляло огромное количество политических проблем, существующих в многонациональной и многоконфессиональной Российской империи, заложниками которых неминуемо становились ученые-канонисты.

Основными центрами развития науки православного церковного права в России в XIX — начале XX в. были университеты (Московский, Юрьевский, Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Киевский и Томский), духовные академии, а также еще несколько учебных заведений, в которых преподавалось церковное право (Демидовский юридический лицей в Ярославле, Военно-юридическая академия и Училище правоведения в Санкт-Петербурге).

В Прибалтийском крае в XIX — начале XX в. было два университета. Первый — Виленский, открытый в 1803 г. Однако уже в 1832 г. он был закрыт, и на его основе созданы Медико-хирургическая и Духовная академии. Таким образом, он не успел сформироваться как центр по изучению православного церковного права. Второй — Юрьевский, бывший Дерптский университет, который имел особое положение, на него не распространялись университетские уставы 1804, 1835, 1863 и 1884 гг., так как он всегда имел свой.

Юрьевский университет имел ряд особенностей. В его структуре не было кафедры церковного права, но зато вместо четырех обычных для

других университетов факультетов (историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского) существовал богословский факультет, характерный для католических и протестантских университетов. Однако именно этот университет стал центром изучения православного церковного права в Прибалтийском крае и даже приобрел общеимперскую известность.

Для того чтобы понять, в каких условиях формировался этот центр, необходимо выяснить особенности развития Прибалтийского края и общую вероисповедную ситуацию в нем. Как отмечает Л. И. Розенберг, этот регион, охватывающий Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую губернии, Режицкий, Люцинский и Динабургский уезды Витебской области, а также заштатный город Нарву Ямбургского уезда Петербургской губернии, организованный по средневропейскому образцу, являлся, с одной стороны, «чужеродным телом» в составе российского государственного механизма, а с другой – выполнял особую функцию, заключающуюся в наведении мостов и создании моделей «вестернизации» России [20, с. 140 – 141].

Количество русского населения было незначительным. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., русский язык называли родным, например, в Эстляндской губернии – 4,9 % населения, в Лифляндской – 5,2 %, в Курляндской – 3,8 % [15].

Большая часть местного населения исповедовала лютеранство или католицизм. И это притом, что в целом по стране католиков было 11,5 млн человек (9,1 %), лютеран – 3,6 млн (2,8 %) [21, с. 76]. Отношение в Российском государстве к протестантам и католикам было абсолютно разным. Для протестантов никаких политических и гражданских ограничений в российском законодательстве не было, власти спокойно смотрели даже на секты, выросшие из протестантских исповеданий. Например, к «терпимым» в Своде законов Российской империи была отнесена секта гернгутеров – протестантская секта лютеранского толка, возникшая в 1772 г. в Саксонии и распространившаяся в Прибалтийском крае. В основе учения гернгутеров лежало частичное признание Аугсбургского исповедания, но они делали особый акцент на «религию сердца» – интимно-эмоциональное переживание верующим единства с Христом как хранителем и спасителем мира. Католическая же церковь и ее приверженцы рассматривались государственной властью как оппоненты, а в 1905 г. Комитет министров Российской империи вообще определил ее как «воинствующую» [17, л. 156 об.].

Прибалтийский край был одним из центров старообрядчества. Появлению старообрядцев в этом регионе еще в XVII в. способствовали гонения на них в России. В XIX в. старообрядцев стали активно поддерживать местные лютеранские власти, «видевшие в лице православия своего противника» [7, с. 160]. Кроме того, в старообрядчество активно переходили беглые крестьяне, пытающиеся найти поддержку в старообрядческих общинах.

В Прибалтийском крае возникал и вопрос о правовом статусе иудеев. Во-первых, часть Прибалтийских земель вошла в «черту оседлости». С 1804 г., а окончательно с 1835 г., были оговорены те области, в которых иудеи могли жить. Среди прочих в них попала и Литва. Кроме то-

го, в Курляндской губернии могли жить местные евреи. Во-вторых, не совсем ясным был вопрос о численности иудеев. Например, согласно данным переписи населения 1897 г., только в западном крае насчитывалось 433,7 тыс. человек, хотя по докладу виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского реальная цифра составляла 700 тыс. человек [1, д. 68]. Таким образом, и ограничения в месте жительства [4, с. 37–40], и ограничения в праве на приобретение и аренду недвижимости [5, с. 73–77], и введение ценза на поступление в университеты коснулись иудеев Прибалтийского края.

В правовом регулировании вопросов вероисповедания в Прибалтийском крае были характерные черты, не свойственные остальной части империи. Например, во всех так называемых «спорных» вопросах, затрагивающих разные вероисповедания, в других регионах государство вставало на сторону православия. Так, если приходилось крестить младенца, родители которого были неизвестны, закон предписывал отдавать детей православному духовенству. Для Прибалтийского же края делалось исключение: ребенка можно было крестить по лютеранским обрядам.

Такая сложная вероисповедная «картина» Прибалтийского края отразилась и на формировании школы церковного православного права.

На профессора церковного права Юрьевского университета ложилась дополнительная нагрузка, в связи с тем что значительное количество студентов были неправославными. Например, в 1907 г. в университете обучалось 2734 человека: 1536 православных, 635 лютеран, 272 католика, 11 протестантов реформатского исповедания, 19 евангелистов аугсбургского исповедания, 11 представителей армяно-григорианской церкви, 243 иудея, 1 старообрядец, 2 единоверца, 2 караима, 1 баптист, 1 мусульманин [9, с. 68]. Затем эти цифры стали значительно меняться в пользу неправославных. В 1912 г. в университете уже насчитывалось 2467 студентов, из которых 919 были православными, 952 – лютеранами, 295 – католиками, 19 – протестантами реформатского исповедания, 20 – евангелистами аугсбургского исповедания, 40 – представителями армяно-григорианской церкви, 209 – иудеями, 4 – старообрядцами, 1 – единоверцем, 1 – караимом, 3 – англиканами, 1 – мусульманином, 1 – армяно-католиком, 2 – меннонитами [13, с. 61].

Сначала для преподавания православного церковного права в Юрьевском университете был приглашен Лев Аристович Кассо. Он получил степень бакалавра в Парижском университете, был слушателем в Гейдельбергском и Берлинском университетах. В 1889 г. ему в Германии была присвоена степень доктора права. Л. А. Кассо 29 июля 1892 г. назначили исполняющим обязанности доцента по церковному праву в Дерптском университете, но уже 1 июля 1893 г. он перешел на кафедру местного права, действующего в Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях. Затем он полностью посвятил себя цивилистике [2, с. 650–651]. Таким образом, найти преподавателя по церковному праву было достаточно сложно.

Ценным кадровым приобретением Юрьевского университета стал Михаил Егорович Красножен (1860–?), главный представитель науки

церковного права в Прибалтийском крае, в отличие от большинства специалистов в области церковного права не относящийся к духовному сословию. В 1881 г. он с серебряной медалью окончил Калужскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета, с IV курса начал заниматься церковным правом под руководством профессора А. С. Павлова и даже получил золотую медаль за студенческое сочинение по данному предмету. По окончании университета его оставили на кафедре церковного права для подготовки к профессорской деятельности. Таким образом, М. Е. Красножен пришел в науку церковного права совершенно сознательно и имел юридическое, а не богословское образование. В 1889 г. он сдал магистерский экзамен и был отправлен в командировку за границу для написания магистерской диссертации на тему «Толкователи канонического кодекса восточной церкви: Аристин, Зонара, Вальсамон». М. Е. Красножен много работал в архивах и библиотеках Вены, Мюнхена, Рима и Флоренции. Вернувшись через два с половиной года в Россию и защитив магистерскую диссертацию, М. Е. Красножен стал приват-доцентом кафедры церковного права Московского университета и читал обязательный курс лекций для студентов IV курса юридического факультета. Параллельно в течение пяти лет он был помощником присяжного поверенного (у А. К. Вульфберга и Ф. Н. Плевако).

В 1893 г. М. Е. Красножен получил приглашение занять должность экстраординарного профессора церковного права в Юрьевском университете, а через два года — ординарного. В 1899 г. М. Е. Красножен был назначен деканом юридического факультета, при этом он не оставил серьезную научную деятельность: в 1897, 1901 и 1902 гг. ездил в научные командировки за границу для продолжения изучения греческих рукописей канонического содержания, в 1901 г. в Казанском университете защитил докторскую диссертацию «Иноверцы на Руси. Положение неправославных христиан». Также М. Е. Красножен активно занимался общественной деятельностью: с 1898 г. он был старостой университетской церкви имени Святого благоверного великого князя Александра Невского, с 1902 г. — председателем учебно-литературного общества при Юрьевском университете [16, с. 109, 176].

Однако спокойными жизнь и творчество профессора М. Е. Красножена назвать было нельзя.

Во-первых, ему постоянно приходилось сражаться за место церковного права на юридическом факультете. Отношение к этой дисциплине становится понятным при анализе «Биографического словаря профессоров и преподавателей...» Юрьевского университета, изданного к столетию университета: всего юридическому факультету посвящено 179 страниц, среди которых церковному праву — пять последних [2, с. 475—654]. М. Е. Красножен хотел придать своей дисциплине другой статус, пытаясь создать кафедру церковного права [3, с. 4]. Он был готов на любые компромиссы. В частности, будучи активным противником существования в Юрьевском университете богословского факультета [12, с. 1], допускал возможность его сохранения и настаивал на создании на нем кафедры церковного права, обосновывая это тем, что «многие из привлекаемых к ответственности за нарушение правил господ-

ствующей Православной церкви пасторов объясняют это нарушение неведением церковно-гражданских постановлений» [12, с. 2]. Работа Михаила Егоровича в этом направлении закончилась успешно созданием в Юрьевском университете кафедры церковного права. Кроме того, на церковное право стало даваться большее количество часов. Если в 1912 г. в весеннем и осеннем семестрах М. Е. Красножен читал церковное право четыре часа в неделю, а в последнем еще вел практические занятия по два часа в неделю и читал спецкурс по семейному праву (один час в неделю) [13, с. 41], то в 1913 г. — объем церковного права составлял в неделю четыре лекционных часа и два — практических [14, с. 40].

Во-вторых, М. Е. Красножен был единственным специалистом по церковному праву в университете. Решить кадровый вопрос он предлагал следующим образом:

Молодым людям, окончивший курс первыми по оценкам (при отличном поведении), должно быть делается со стороны факультета предложение остаться при университете (с назначением известного содержания) для приготовления к профессорскому званию, преимущественно по кафедрам, не богатыми преподавательскими силами (как это ныне с успехом практикуется в наших духовных академиях) [11, с. 2–3].

М. Е. Красножен много работал в этом направлении, причем пытался привлечь внимание студентов к церковному праву через изучение наиболее злободневных тем. Так, в 1909 г. юридический факультет предложил студентам написать научных сочинений на две темы: по уголовному праву «Ошибка человека и ее значение при вменении деяния этого лица ему в вину» и по церковному праву «О Высочайше утвержденном при Святейшем синоде особом Присутствии для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению Всероссийского собора» [6, с. 6]. Последняя тема, безусловно, с одной стороны, не могла вызвать сопротивления в Святейшем синоде, но с другой — содержала огромное количество «подводных камней».

Однако в целом повышение роли церковного права в системе юридического образования Юрьевского университета было связано исключительно с энтузиазмом и авторитетом М. Е. Красножена. Кафедра церковного права Юрьевского университета казалась подобной вулкану. В Российском государственном историческом архиве хранится письмо специалиста в области церковного права Е. Н. Темниковского к ректору Демидовского юридического лицея в Ярославле М. П. Чубинскому, в котором он так характеризовал свое возможное назначение на место М. Е. Красножена:

...немного смущен заметкой, которую я вычитал в Московских ведомостях. Там сообщалось о Юрьевском университете, именно о предстоящих перемещениях профессоров. Между прочим, о Красножене сказано, что он получает высшее назначение. Также далее его называли возможным кандидатом на пост директора... Я готовился и готовлюсь к неприятному сюрпризу — путешествию в Юрьев [19, д. 427, л. 4–4 об].

В-третьих, находясь в Прибалтийском крае, М. Е. Красножен раньше, чем многие другие специалисты в области церковного права, почувствовал новые злободневные вопросы, что отразилось в его работах: «Старые и новые вопросы о браке (по поводу 352, 440, 441 и 359 статей Проекта нового уголовного уложения)» (Юрьев, 1898), «О разводе в России» (М., 1899), «Эстонцы и немцы в Прибалтийском крае» (Юрьев, 1900), «Отношение православной восточной церкви к лицам неправославным» (Юрьев, 1900), «Отношение Русской церкви и государственной власти к иноверцам» (Юрьев, 1900), «Иноверцы на Руси» (Юрьев, 1903), «Старые и новые законы о разводе. По поводу издания Проекта нового гражданского уложения» (Юрьев, 1904) и др.

В-четвертых, видимо, Юрьевский университет испытывал материальные трудности для покупки литературы на русском языке. Например, в феврале 1902 г. члены Общества русских студентов университета направили письмо М. П. Чубинскому, в то время профессору Харьковского университета, следующего содержания:

Общество русских студентов, весьма интересуясь Вашей книгой “Мотив преступной деятельности и его значение”, не имеет однако возможности приобрести ее для своей библиотеки вследствие крайней ограниченности материальных средств Общества. Ввиду этого... я решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, не найдете ли Вы возможным бесплатно прислать один экземпляр Вашего сочинения [19, д. 529, л. 1 — 1 об.].

В-пятых, события революции 1905—1907 гг. и последовавшие изменения в законодательстве напрямую касались М. Е. Красножена, так как он постоянно общался со студентами и вынужден был отвечать на их «каверзные» вероисповедные вопросы, чувствовал настроения, царившие среди населения Прибалтийского края после издания указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Интересным является и тот факт, что в мае 1905 г. М. Е. Красножен обратился к министру народного просвещения В. Г. Глазову с ходатайством поднести Николаю II его книгу «К вопросу о свободе совести и о веротерпимости. Иноверцы на Руси», и книга действительно была передана императору [18, л. 113]. М. Е. Красножен и в этот период активно занимался научной деятельностью, издав такие работы, как «Современные вопросы. — Брак и развод. — Прелюбодеяние. — Свобода совести и вероисповедания. — Наука и политика» (Юрьев, 1905), «Новейшее законодательство по делам Православной русской церкви» (Юрьев, 1909), «Университетский вопрос» (Юрьев, 1909) и др. Последняя работа М. Е. Красножена, которую удалось найти, относится ко времени Первой мировой войны и называется «Судьбы Македонии» (Юрьев, 1915).

Дальнейшую судьбу М. Е. Красножена проследить не удалось. Известный петербургский историк Р. Ш. Ганелин встречал упоминание, что М. Е. Красножена видели в Московском университете в 30-е гг., однако опубликованных подтверждений данная информация не имеет. Революция 1917 г. надолго прервала развитие науки церковного права, к тому же прибалтийские республики обрели самостоятельность.

Таким образом, центром изучения православного церковного права в Прибалтийском крае являлся Юрьевский университет. Несмотря на большие усилия, создать в Прибалтике научную школу церковного права не удалось. Вероисповедные проблемы, существовавшие в Российской империи, были сконцентрированы в данном регионе, где в основном проживали представители неправославных исповеданий. Кроме того, кафедра церковного права замещалась одной должностью профессора, что не позволяло установить преемственность. Вместе с тем кафедра церковного права Юрьевского университета представляет собой яркий пример значимости личности ученого для развития научного направления.

Список литературы

1. Библиотека Российского государственного исторического архива (РГИА). Печатные записки. №2466.
2. *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902)*. Юрьев, 1902. Т. 1.
3. *Заключение юридического факультета императорского Юрьевского университета по вопросам, предложенным господином министром народного просвещения относительно желательного устройства университетов*. Б/м., б/г.
4. *Иванова Н. Ю.* К вопросу о черте оседлости евреев в Российской империи // *Миграционное право*. 2012. №1. С. 37–40.
5. *Иванова Н. Ю.* Нарушение прав евреев на приобретение и аренду недвижимых имуществ в черте постоянной оседлости в конце XIX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. №8–2. С. 73–77.
6. Краткий отчет Императорского Юрьевского университета за 1908 г. Юрьев, 1909.
7. *Крастелев М.* (игумен). Старообрядчество в Лифляндии в эпоху Николая I. Учреждение Рижского викариатства // *Челябинский гуманитарий*. 2010. Т. 1, №10. С. 157–162.
8. *Кудряшев В. Н.* М. Н. Катков в российском имперском дискурсе второй половины XIX века // *Вестник Томского государственного университета*. Сер. История. 2012. №4 (20). С. 40–42.
9. *Личный состав Императорского Юрьевского университета*. 1907 год. Юрьев, 1907. С. 4–68.
10. *О преобразовании Императорского Московского университета на началах русской государственности и русской народности*. М., 1907.
11. *Особое мнение декана юридического факультета профессора М. Е. Красножена по некоторым вопросам, касающимся Университетского устава*. Юрьев, 1905.
12. *Особое мнение декана юридического факультета М. Е. Красножена по вопросу 19-му (о богословском факультете)*. Юрьев, 1907.
13. *Отчет о состоянии и деятельности Императорского Юрьевского университета за 1912 г.* Юрьев, 1913.
14. *Отчет о состоянии и деятельности Императорского Юрьевского университета за 1913 г.* Юрьев, 1914.
15. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России* // *Демоскоп Weekly*. 2014. №599–600. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1727 (дата обращения: 09.06.2014).

16. *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902 гг.) : исторический очерк. СПб., 1906.

17. РГИА. Ф. 1263 (Комитет министров). Оп. 2. Д. 5758.

18. РГИА. Ф. 744 (Высочайшие указы, рескрипты и всеподданнейшие доклады по Министерству народного просвещения). Оп. 1. Д. 220.

19. РГИА. Ф. 1081 (Личный фонд М.П. Чубинского). Оп. 1.

20. *Розенберг Л.И.* Российский фактор в Прибалтийском крае (XIX – начало XX в.) // Россия и современный мир. 2007. №1. С. 140–160.

21. *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы (на основании официальных и научных исследований). СПб., 1912.

Об авторе

Александра Андреевна Дорская – д-р юр. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

About the author

Prof. Alexandra Dorskaya, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University. AI Herzen.

E-mail: adorskaya@yandex.ru